

Пётр Толочко

Статья 6731 года Галицко-Волынской летописи и время её написания

Статья 6731/1223 г. принадлежит к числу так называемых «тёмных мест» Галицко-Волынской летописи. Она не хроникальная, содержательно не связанная ни с предыдущим, ни с последующим текстом летописи. К году, под которым помещена в летописи, никакого отношения не имеет. Более того, внутренне также не цельная, составленная из трех фрагментов, повествующих о разных событиях.

В первой части статьи летописец сообщает о владими́ро-во́лыньских епископах, которые занимали кафедры в период правления князей Даниила и Василька Романовичей:

В лѣта (ж) Данила и Василка. Романовичю бѣахоу Володимѣрьскыи пискоупѣ. бѣ бо Асафѣ. блжнныи преподобныи стлѣ Стѣе Горы. и потомѣ бѣ Василѣи ѿ Стѣе Горы. и потомѣ бѣ Микифорѣ. прирокомѣ Станило. бѣ бо слоуга Василковѣ преже. и потомѣ Коузма. кроткыи прп(д)бныи смиренныи. пискоупѣ Володимѣрьскыи¹.

Каталог епископов скорее всего неполный. Если последнее место Козьмы не вызывает вопросов (летописец пишет при нем), то первое Иосафа объяснить трудно. Вряд ли он занимал кафедру с первых княжеских лет Даниила и Василька. Учитывая, что в 1229 г. он был кандидатом в новгородские архиепископы, такое сомнение кажется оправданным:

Томъ же лѣтѣ рече князь Михайлъ: «се у васѣ нѣту владыкы, а не лѣпо быти граду сему безъ владыцѣ» [...] И рекоша нѣкатории князю: «есть чѣрныцъ дьяконѣ у святого Георгия, именемъ Спиридонѣ, достоинѣ есть того»; а нии Осафа, епископа володимѣрьскаго велынскаго, а друзии Гръцина².

---

1 ПСРЛ. Т. 2. М., 1996. Стб. 739.

2 НПЛ. С. 68, под 6737 годом; см. также в Соф. I летописи: «И избраша чернца дьякона С(вя)т(о)го Егюогрия именемъ Спиридона, а инии Осифа Володимѣрскаго и Велынскаго, а инии Гречина» ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 284.

Во второй части статьи, состоящий из двух фраз, летописец вспомнил о создании Даниилом города Холма и пообещал подробнее рассказать об этом позже. «Бѡу же изволившю. Даниль созда градъ. именем Холмъ. создание же его. иногда скажемь»³.

Третья часть повествует о конфликте Даниила Романовича и угровского епископа Иосафа, отстранении последнего от епископства, поставлении на кафедру Ивана и переводе епископии из Угровска в Холм:

Бжїею же волею избранъ бы(с). и поставленъ бы(с). Иванъ пискоупъ. княземъ Даниломъ ѿ клироса. великое цркви стѣи Бѣи. Володимерьской. бѣ бо преже того пискоупъ. Асафъ. Воугровьскыи. иже скочи на столъ митрофоличъ. и за то свѣрженъ бы(с) стола своего и переведена бы(с) пискоупья во Холмъ⁴.

Эта малопонятная статья не привлекла особого внимания исследователей. Лишь М. С. Грушевский пытался разобраться в ее хронологии, но внести в нее хоть какую-то ясность ему не удалось. Вначале он высказался в пользу вставочного характера каталога владимирских епископов, хотя и не уточнил, когда он был внесен в летопись. Дальше увязал сообщение о епископах с рассказом о поставлении епископа Ивана, которое он отнес к 1223 г., и предположил, что каталог мог быть введением к этому рассказу. Затем отказался от этой мысли на том основании, что в 1223 г. епископская кафедра не могла быть перенесена из Угровска в Холм, потому, что последний основан только в 1237 г. В итоге М. С. Грушевский признал текст о владимирских епископах позднейшей вставкой, не имеющей никакой связи с контекстом, однако предположения о поставлении Ивана в 1223 г., по существу, так и не пересмотрел⁵.

В. Т. Пашуто обратил внимание лишь на сюжет, рассказывающий об изгнании с епископской кафедры Иосафа, поставлении епископа Ивана и переводе епископии из Угровска в Холм. События эти, согласно ему, произошли после нашествия монголов⁶. Такого же мнения придерживается Анджей Поппэ⁷, относящий отстранение угровского епископа Иосафа от епископства к началу 40-х годов

3 Там же. Стб. 739.

4 Там же. Стб. 739–740.

5 Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинського літопису. *ЗНТШ*. Львів, 1901, Т. LI, кн. 3. С. 18–19.

6 Пашуто В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*. М., 1950. С. 90.

7 См.: Щапов Я. Н. *Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв.* М., 1989. Приложение 1: А. Поппэ. Митрополиты киевские и всяя Руси (988–1305). С. 213; Подскальски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*. СПб., 1996. Приложение: А. Поппэ. Митрополиты и князья Киевской Руси. С. 447.

XIII в., а также, по-видимому, и Н. Ф. Котляр, отметивший здесь забегание автора статьи вперёд⁸.

Что касается времени составления статьи 1223 г., то, по существу, никто из исследователей и не пытался его определить. Между тем, возможности такие имеются, причём как в самом источнике, так и вне его.

Даты событий, о которых рассказывает статья, определяются без большого труда. Рассказ о поставлении епископа Ивана и переводе епископии из Угровска в Холм мог появиться только после основания этого нового города. Четких свидетельств о времени заложении Холма в летописи нет, но есть косвенные, содержащиеся в статье 1235 г. Рассказывая о собирании коалиционных сил против Даниила, летописец замечает: «Кондратови же ставшоу. кде нынѣ гра(д) Холмъ. стоить»⁹. Следовательно, во время похода Михаила Черниговского и союзных ему поляков на Даниила Романовича, Холма еще не было. Поход этот пришелся на 1237 г. В последующем летописном фрагменте, где излагаются события, связанные с противостоянием Михаила и Даниила, речь идет уже о существующем Холме. В нем Даниил получил известие об уходе из Галича Ростислава Михайловича: «приде вѣсть Данилоу. во Холъмѣ боудощю емоу. яко Ростиславъ сошелъ естъ на Литвою со всеми боары и сноузники семоу же прилоучившоуся. изииде Даниль со воии. ис Холъмъ»¹⁰. Кратковременное утверждение Ростислава в Галиче имело место в 1238 г.

Таким образом, если летописец не ошибся в своих свидетельствах, основание города Холма следует датировать 1237–1238 гг.

Поддается хронологическому определению и свидетельство о конфликте угровского епископа Иосафа и Даниила. Есть достаточно оснований относить его к началу 40-х годов XIII в., когда Киев остался без митрополита. Мы не знаем, какая судьба постигла последнего (перед монгольским нашествием) митрополита Иосифа. Исследователи полагали, что он или бежал из Киева на родину в канун штурма города монголами, или же был убит ими после взятия города. Скорее всего, верным является первое предположение. Иначе летописцы не упустили бы случая сообщить об убийстве митрополита безбожными «измаильтянами». Так, как они сделали это в случае со владимирскими игуменами или переяславским епископом. Нового митрополита из Никеи не могли прислать не только по причине сожжения Киева и опасностей для его жизни, но также и потому, что в эти годы (1240–1244) оставался вакантным и патриарший престол.

В это безвременье, видимо, и появились на Руси митрополиты-самозванцы. Об одном из них — «архиепископе Руси» Петре, выступавшем в Риме и Лионе с информацией о монголо-татарах, узнаем из хроники Матвея Парижского и Бёртинских аналов. О другом — угровском епископе Иосафе, который «*скочи на столь митрофолчь*», свидетельствует летописная статья 1223 г.

---

8 Котляр М. Ф. *Галицько-Волинський літопис*. К., 2002. С. 191.

9 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 775.

10 Там же. Стб. 777.

Как известно, конфликт этот был разрешен тем, что Даниил поставил на митрополичью кафедру своего ставленника Кирилла. Сначала он был нерукоположенный митрополит (1242/43 гг.), а затем (с 1246/47 гг.) и освященный в Никее.

Написание статьи 1223 г. надежно маркируется временем владимирского епископа Козьмы и, по-видимому, холмского владыки Ивана. Козьма назван последним в каталоге владимирских епископов, при этом единственный из своих коллег, удостоившийся трех эпитетов: «кроткий», «преподобный» и «смиранный». В пишущем можно видеть или самого епископа Ивана, или же его близкого соратника. В пользу этого, как будто, свидетельствует и обоснование особой легитимности поставления холмского владыки. Он избран *«Божьей волей»*, поставлен *«князем Даниломъ»*, с одобрения *«клироса великой церкви святой Богородицы Владимирской»*. Отсутствие ссылки на участие в освящении митрополита, возможно, указывает на время поставления Ивана. Оно состоялось между 1240 г., когда из Киева ушел митрополит Иосиф и 1246/47 гг., когда в Никее был рукоположен на киевскую митрополичью кафедру Кирилл. Учитывая, что Иван заменил провинившегося перед Даниилом угровского епископа Иосафа, можно предположить, что событие это произошло еще до 1242/43 гг.

К сожалению, о владимирском епископе Козьме говорить только в статье 1223 г., и определить точно годы его пастырского служения во Владимире-Волынском трудно. А. Поппэ полагает, что это были 50–60 гг. XIII в., но также он датирует и пребывание на владимирской кафедре предшественника Козьмы епископа Микифора Станила¹¹. И все же есть основания предполагать, что епископ Козьма — современник холмского владыки Ивана. Кроме отмеченных выше свидетельств, в пользу такого вывода говорит особое отношение строителей Холма к святым патронам обоих епископов. При закладке города Даниил Романович, будто бы, пообещал Иоанну Златоусту воздвигнуть в *«имя его церковь»*, что и было исполнено. Об ее внешнем и внутреннем виде летописец пишет с необыкновенным вдохновением. Его свидетельство об украшении храма иконами и колоколами, привезенными из Киева, которые сестра Даниила Романовича Феодора передала в Холм *«из монастыря Федора»*, позволяет определить и время строительства. Несомненно, это было уже после монголо-татарского смерча, пронесшегося по Южной и Западной Руси в 1239–1241 гг. Не исключено, что освящение церкви св. Иоанна произошло в 1246 г., когда Даниил, возвращаясь из ставки Батыея, привез из Киева и Овруча *«диву подобны»* иконы. Вскоре в Холме была построена церковь св. Козьмы и Демяна. О ней летописец также отзывается в превосходных степенях:

сзда црквѣ стѣма безмѣздника во ч(с)ть имать .д. столпы ѿ цѣла камени. истесанаго. держаща вѣрхъ. с тѣхъ же другьи. волтарь престѣо

11 См.: Шапов Я. Н. *Государство и церковь*. Приложение 2: А. Поппэ. Епископы Древней Руси (конец X — середина XIII в.). С. 211.

Дмитрея стоить же тись. предъ бочными двѣрми красенъ. принесенъ изда-
леча¹².

Вряд ли приходится сомневаться в том, что возведением храмов во имя св. Иоанна и свв. Козьмы и Деяна озаботились холмский и владимирский епископы.

До сих пор речь шла об относительной хронологии и самой статье, и описанных в ней исторических событий. Теперь попытаемся определить точную дату ее окончательной редакции. К счастью, такая возможность у нас тоже имеется. Об этом позаботился сам летописец, заявивший в статье 1223 г., что об основании Холма он «иногда» скажет. «Иногда» здесь означает «позже», «в другом месте». Обещание своё он выполнил в статье 1259 г., объединив рассказ о закладке и строительстве Холма с сообщением о его страшном пожаре.

О том, что это тот же летописец, свидетельствует ремарка об Угровске. Она не обязательная в статье 1259 г.; на первый взгляд кажется даже чем-то инородным в повествовании о Холме. Но это не совсем так. Летописец помнит о сказанном ранее относительно ликвидации угровской епископии, переводе ее в Холм и как бы продолжает эту тему здесь. Прежде чем продолжить заявленный рассказ об основании Холма, он напоминает, что прежде Даниил построил город Угровск и учредил в нём епископию. Случилось это во время княжения Даниила во Владимире: «Данилови бо княжашоу. во Володимѣрѣ созда градъ Оугорескъ. и постави во немъ пискоупа»¹³.

После этого замечания летописец продолжает прерванный рассказ об основании Холма. При этом строит его так, будто пытается объяснить, почему Даниил предпочел Холм Угровску. Отправившись на ловы, он увидел «мѣсто красно. и лѣсно на горѣ», вокруг которого простирались поля. Спросив местных жителей «како именуеться мѣсто се» и услышав ответ, что имя ему Холм, Даниил «возлюбивъ мѣсто то. и помысли да сожижеть на немъ градець малъ»¹⁴. Затем в летописи следует яркий и подробный рассказ о строительстве города, которое осуществлялось уже после монголо-татарского нашествия. Автор подчеркивает, что строителями были «нѣмцѣ и роусь. иноязычники. и лахы», а также «мастерѣ всацци бѣжахоу ис Татаръ»¹⁵. Этот единый и цельный рассказ о строительстве Холма продолжается и в статье 1260 г., что указывает, по-видимому, на неудачную разбивку позднейшим редактором (или хронологизатором) текста по годам.

Одной, а может быть и главной, причиной, побудившей летописца написать этот яркий гимн Холму, была его невыразимая скорбь по поводу недавней утраты всей этой красоты. Город сгорел во время похода Куремсы на Даниила и Василька. Люди думали, что это татары взяли и сожгли Холм, но оказалось пожар был вызван неосторожным обращением с огнем некой «окаянной бабы». Эти

---

12 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 845.

13 Там же. Стб. 842.

14 Там же. Стб. 842.

15 Там же. Стб. 843.

уточнения летописца, по существу, дают нам точную дату не только события, но и самого рассказа о нем. По хронологии М. С. Грушевского поход Куремсы на Вольтыня состоялся в 1255 г. Летописец — свидетель пожара Холма — писал свой текст вскоре после него. Он видит «сицю пагоубоу градоу», отмечает, что медь от огня оползла «нако смола», входит в «цркъвь и видѣ пагоубоу и сжалиса велими» и молится за то, чтобы епископ Иван обновил церковь. В начале статьи 1260 г. он сообщает о строительстве церкви «во има престѣна приснодвѣѣ Мрїѣ», которая своей красотой была «не мене соушихъ древни(х)»¹⁶.

Из сказанного можно сделать вывод о принадлежности статей 1223, 1259 и первой части 1260 г. единому автору, а также и об их практической одновременности. Поскольку вслед за текстом, рассказывающем об основании, пожаре и восстановлении Холма, находится сообщение о приходе на Вольтыня Бурундая, несомненно современное событию, можно предположить, что оно и маркирует время создания всего свода. Приход Бурундая на Вольтыня и его поход на Литву в Соф. I летописи отнесен к 1258 г.: «Того же лѣта взяша татаровѣ всю землю Литовскую, а сами(х) избиша»¹⁷.

В пользу вывода о завершении составления Холмской летописи в 1258 г., по видимому, свидетельствует и то обстоятельство, что она обрывается на полуслове. Среди летописцев преобладает мнение, что здесь мы имеем дело с элементарной утратой текста. В принципе ничего невероятного в таком предположении нет. И все же, в данном случае больше аргументов за то, что свод этот не был завершен. Он обрывается не только, что называется, на полуслове, но и на полустроке. Причем, такая ситуация имеет место и в Ипатьевском списке, и в Хлебниковском, который как будто списан с иного протографа.

Продолжение летописи принадлежит уже другому летописцу. Он определенно обратил внимание на незавершенность последней фразы своего предшественника, а поэтому сделал между ней и началом своего текста некий смысловой переход: «По сем же минушему лѣтоу». В Хлебниковском списке этот своеобразный летописный зачин написан в несколько иной редакции: «По сем же минувшими двѣма лѣтома». Отнести эту вставку на счет редактора всей Галицко-Вольтынской летописи мешает то обстоятельство, что переходное словосочетание *по сем же* является стилистической особенностью не всего текста, но погодных статей, следующих за недописанной 1260 г. В предшествующих летописец пользовался другим клише: *по том же*.

Таким образом, рубеж между Летописцем Даниила Галицкого и последующим летописанием (Вольтынской летописью) определяется вполне отчетливо. Чего нельзя сказать о причинах прекращения летописной традиции в Холме. На этот счет можно высказать лишь более или менее правдоподобное предположение. Не исключено, что ведение Холмской летописи прервалось в связи со смертью

¹⁶ Там же. Стб. 845.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 6, 1. Стб. 162.

епископа Ивана. Думать так дает основание тот факт, что последнее упоминание о нем содержится в статье 1261 г.

Статья 1223 г. ставит перед исследователями и еще один вопрос. Чем обусловлено размещение текста именно в этом месте? Ведь летописец, редактировавший свод в 1258 г., не мог не знать, когда произошли события, рассказанные в этой статье. Отчего тогда хотя бы одно из них не совпало с реальной своей датой? Удовлетворительного ответа на это у нас нет.

Інститут археології НАН України